

Это из-за него бандиты подумали, что муровца можно напугать...

Калашниковская правда - 1992 - 24 сент.

ВООБЩЕ-ТО я не привыкла чувствовать себя недалекой. Или девчонкой — даже с людьми, которые значительно старше. Но мой субботний гость заставил нашу компанию долго молчать, переживая странные, до сих пор, пожалуй, никому из нас не знакомые вкупе чувства. Смущение, недоумение... И восторг.

Актер Всеволод Абдулов известен всем. Но когда мы начали вспоминать, откуда — всплыли в памяти два-три фильма: развеселый «Жили три холостяка», «Ждите писем» и, конечно, всенародно любимая эпопея «Место встречи изменить нельзя». В театре — МХАТе — кроме «Соло для часов с боем», я с ним не видела ничего, а кто-то там вообще не был. Откуда же его все знают? Версия одна: как близкого друга Высоцкого.

Не знаю, нужна ли такая популярность. На мой взгляд, Всеволод Осипович невероятно интересен сам по себе, по так уж сложилось, что личность Владимира Высоцкого в силу своей яркости оставалась (невольнo) в тени тех, кто рядом.

Впрочем... Отношение Абдулова к другу настолько трогательно, что все остальное просто не имеет значения.

Я не хотела говорить с ним о Высоцком. Потому что «вот уже 12 лет Володи нет, и не проходит дня, чтобы не ощутить это как внезапную потерю». Не хотела, потому что Абдулов, пожалуй, единственный из всех знакомых поэта нигде и никогда о нем не говорил — болью. Единственное исключение — фильм Рязанова, но и там лишь несколько фраз.

И все же без разговора о Высоцком не обошлось. Но писать об этом не хочу. Только одно, что поразило: Всеволод Осипович назвал его нежным человеком. Нежный Высоцкий — до той субботы было парадоксом, а сейчас — истина.

И еще. Почему вы не говорите о нем?

...Когда-то Абдулов репетировал в спектакле по пьесе Зорина об одном годе в жизни Пушкина — 1834-м, когда не было написано практически ничего. Всеволод Осипович искал в архивах воспоминания близких поэту людей. Дарья Фикельмон-Хитрово, с которой у Пушкина был искрометный роман, после бала, украдкой, через комнату мужа под юбками служанки (как в «Пиковой даме»), —

любила его всю жизнь, а писала о нем без подробностей, бесстрастно, как бы со стороны. А самые близкие, с точки зрения Абдулова, друзья — Павел Нащокин и Сергей Соболевский — не написали ни строчки.

Так бывает всегда: близким нечего сказать, потому что любовь сильна, чувство потери вечно и слов не найти.

Но, впрочем, я об Абдулове. Он из старой актерской семьи, на двери его квартиры до сих пор табличка с именем отца. Начинал во МХАТе. Был в то время «молодым сумасшедшим правдолюбом», и из-за этого отношения со старой плеядой складывались непросто. Бывали и ссоры, а в конце концов установились теплые и, главное, уважительные отношения.

Из театра сейчас он ушел, потому что того МХАТа, который он так любил, уже просто не существует. С горечью Всеволод Осипович говорит о мхатовской «Синей птице». Четверть века он играл там Кота: день премьеры нового, молодого состава помнит, будто это было вчера. И — замороженные дети в зале. Вспоминает, как этот спектакль-долгожитель, поставленный еще Станиславским, бережно передавался из поколения в поколение актерами, пытавшимися сохранить мельчайшие детали режиссерского замысла. Уходя из театра, боялся, что будет грустить по этому спектаклю. Недавно посмотрел его и понял, что переживать не о чем...

Это не брюзжание зрелого уже человека о прежних временах. (Он больше всего боялся, что все будет выглядеть именно так). Это горечь потери.

ПОЧЕМУ умирает русский театр? Этот вид искусства, как ничто другое, зависит от того, что происходит в нашей жизни. Придут другие времена... Даже в послереволюционной сумятице были Мейерхольд и Таиров.

Что происходит в литературе? Запасы «из столов», кажется, подошли к концу, а что теперь? Теперь надо искать. Искать то, что достойно увидеть свет, — отнюдь не для коммерческих сборов. Так Абдулов увидел в толстом журнале повесть Вячеслава Кондратьева «Сашка» — был потрясен, тут же понес на радио, прочитал. Литература была, есть и будет, нужно лишь уметь видеть, чувство-

вать, что есть истинная ценность.

Почему стал актером? Это получилось как-то само собой. Конечно, он — мальчик из артистической семьи — мечтал об этом. Но после смерти отца (Севе тогда было 10 лет) работать стал, чтобы помочь матери: записи на радио, дубляж фильмов, съемки. На мой взгляд, актер он прекрасный: в нем сочетаются профессионализм (неразделение понятий искусства и работы) и подлинно актерское, художественное мастерство.

Диапазон творчества? Доходит до смешного. Утром по радиостанции «Юность» читает «Москва — Петушки», днем на радио России главы из Библии, вечером — «Эммануэль».

Амплуа? Он — характерный актер, и именно поэтому выбрал из списка ролей, принесенного ему в больницу (лежал там после автокатастрофы) Высоцким и Говорухиным, роль мерзкого труса Соловьева («из-за тебя бандиты будут думать, что они муровца могут напугать»). Мерзкого и настолько талантливо сы-

гранного, что у многих этот характер ассоциируется с самим Абдуловым.

Суеверен ли? Однажды в Америке он поехал в Атлантик-Сити. И трижды выиграл в рулетку на цифру (снова вспоминаю о «Пиковой даме») на дни рождения близких людей — дочери, внуки, Высоцкого.

Сейчас он озвучивает диснеевские мультфильмы (Ворчун, Рокфор). Его голосом поют сразу несколько персонажей спектакля по «Сказкам дядюшки Римуса» («Братец Кролик и Братец Лис») петербургского театра кукол. Не считает ли, что нэсерьезно? Он снова вспоминает о «Синей птице»: дети — самая чуткая, самая эмоциональная публика. Им не соврешь.

...СТРАННОЕ это поколение. Борьба с КГБ, лагеря, застенки, вынужденная эмиграция. За что они воевали, чего хотели, чего добились?.. Абдулов — человек из тех времен. Ученик Синявского, знавший Даниэля; он и сейчас дружит с Буковским, жалеет о том, что не удалось

встретиться с Сергеем Довлатовым...

«Я вам завидую, вы живете в безумно интересное время, сложное, непонятное, но интересное. Хотя... Я не отдал бы ни дня из тех своих лет — безвоздушного пространства, темноты. Потому что это была моя жизнь...»

Я его понимаю: несмотря на беспробудность и лишь туманную веру в будущее изменения — это было Время, и прежде всего из-за людей, живших тогда. Только представьте себе: общаться с неповторимой Раневской, еще мальчиком помнить Ахматову, лететь со съемок на похороны Пастернака, когда над всеми кассами Киевского вокзала висели рукописные листочки с указанием времени и места погребения, а на перроне маленькие группы людей замолкали при появлении посторонних. Наконец, уже совсем недавно, видеть пожар в ресторане ВТО, когда казалось, что, того и гляди, знаменитый метрдотель по прозвищу «Борода», с которого М. А. Булгаков писал Арчибалда Арчибалдовича, выбежит с двумя балыками под мышкой. Но Абдулов понимал, что и метрдотеля уже нет в живых, и старых времен, когда на червонец — водка и фирменные «Зубрики», и старого театра, и вообще пожар — словно символ уходящей неповторимости того времени, которое было раньше.

Все же без конца это всплывает: раньше, раньше... Он этого боялся. Но будем считать, что эта горечь — от меня. Я сказала: жаль, что живу в такое время. Конечно, я счастлива, что у меня хорошие друзья, интересная работа, любимая семья. Но я бы очень хотела жить лет 50 назад.

Он пытался меня утешить. А потом посоветовал общаться с теми, кто еще остался, вдыхать и впитывать тот волшебный воздух старой московской интеллигенции, который испаряется практически бесследно.

— Знаете, мне не хотелось бы чувствовать себя рядом с ними ущербной. Не хочется, чтобы относились как к девчонке.

— Что вы... С этими людьми вам никогда не будет неловко.

«Эти люди» — в числе которых он сам. За весь вечер он ни словом, ни взглядом не дал нам почувствовать, что мы скучны, недостаточно об-

разованны (Боже мой, сейчас такого образования нет ни у кого — это же трагедия), молоды... Он был с нами на равных — и несоизмеримо выше.

Он обожает свою профессию, но говорили мы буквально обо всем; обо всем, о чем успели поговорить.

Он знает массу историй на все случаи жизни, смешных и грустных. Стоит только заговорить о чем-нибудь — рассказ следует тут же. Голосами своих героев. Голосами своих друзей. Он играет за них — и естествен. Язык классически правилен — именно поэтому не вышло интервью, нужно было записывать дословно или портить атмосферу вечера включенным диктофоном.

Он знает русскую литературу так... Не выразить. Любимые поэты? «Конечно, Борис Леонидович, Осип Эмилевич, Анна Андреевна». У него есть право так называть их — будто знакомых.

А я больше всех люблю Цветаеву. Сейчас-то в этом нет смелости и заслуги. А он открыл для себя Марину Ивановну давным-давно. Началось с нескольких стихотворений в 1956 году — и потом лихорадочные поиски других произведений, но... Цветаеву не публиковали в Союзе с 20-х годов. Потом он прочел ее практически всю.

О судьбе поэта в России, к сожалению, точно по Высоцкому: «Поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души». И тогда я, влюбленная и покоренная девочка-институтка, с опаской спрашиваю напоследок:

— А вы не пишете стихов?

— Что вы, нет. Бог милостив. Я слишком люблю поэзию, мне этого хватает, это убергает меня от попыток.

Самый большой комплимент для меня — что вечер с нами прожит не зря.

О. КАЛАШНИКОВА.
Фото Е. СКЛЯРСКОЙ.

Р. С. Ему редко везло с интервьюерами. Помимо сложности воспроизведения на бумаге текста и внутреннего смысла его рассказов, существует еще и предпубликационная «виза». И тогда все оказывается не так, ему кажется, что все написанное утрировано, что он выглядит нескромным... Поэтому должна заявить: весь восторг, любовь и уважение, а также перечисление положительных качеств и превосходные степени — мои.